

Далекий хромоу принц

Мисс Мьюлок
Маленький хромой принц

ТД "Белый город"
около 1875

УДК 821.111-312.9-93
ББК 84(4Анг)

Мьюлок М.

Маленький хромой принц / М. Мьюлок — ТД "Белый город",
около 1875

ISBN 978-5-485-00525-2

Книга поднимает вопрос о духовно-нравственном воспитании детей и создании благоприятной среды для детей с ограниченными возможностями способствует развитию лучших человеческих качеств, таких как справедливость, доброта, гуманность и милосердие. История маленького хромого принца учит маленьких читателей мужественно переносить страдания, справляться с проблемами и быть полноценными членами общества. Мы не всегда можем победить болезнь, но всегда способны победить свою слабость и обстоятельства. Этому учит книга «Маленький хромой принц». Издание рекомендовано для изучения в школах и для семейного чтения.

УДК 821.111-312.9-93

ББК 84(4Анг)

ISBN 978-5-485-00525-2

© Мьюлок М., около 1875
© ТД "Белый город", около 1875

Содержание

Ремесло короля	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дина Мария Мьюлок

Маленький хромо́й принц

© Чудинова Е.П., пересказ, 2015

© ООО «Дарь», издание на русском языке, 2015

© ООО «Дарь», макет, 2015

* * *

Анна Мария Мьюлок
(1826—1887)

Ремесло короля

Мне было лет шесть или семь, не больше. Я сидела в рабочем кабинете отца, на жесткой узкой кушетке. Папин кабинет походил на пещеру, стенами которой были книги. Дубовые книжные полки шли от пола до потолка, перегораживая эту маленькую комнату надвое, они взбирались даже на письменный стол. Невозможно было разглядеть, какого цвета обои: отовсюду только поблескивали золоченым тиснением или разноцветными буквами книжные переплеты. Взобравшись на кушетку с ногами, я сидела очень тихо. О, еще бы! Папа читал мне вслух. Читал медленно, потому, что иногда ему приходилось то подумать, то заглянуть в словарь: маленькая брусничного цвета книжечка со старинными прекрасными картинками была написана на английском языке. Русского перевода не существовало.

Затаив дыхание, я слушала о приключениях принца Дола, маленького пленника Башни Отчаянья, о королевстве под названием Нетландия, которое довольно трудно отыскать на карте (вероятно, оно очень маленькое). Маленькие дети верят, что все, написанное в книгах – правда, поэтому им не интересны писатели, авторы книг. Ведь писатель – это выдумщик. Поэтому я даже не спросила у папы, кто же написал о маленьком хромом принце Доле?

Папа часто читал мне вслух, самые разные книги. Странно ли, что, когда я стала постарше, когда мне захотелось узнать об авторе книги, папа давно уж позабыл, о какой книге я расспрашиваю.

А кроме папы – никто о ней и не знал. Книга-то была – на английском языке.

Я искала эту книгу довольно долго. Найти книгу без автора и точного названия, о, это все равно, что найти человека без фамилии!

Это была большая радость, когда принц Дол, наконец, нашелся! Вместе с Диной Марией Крейг, жившей в Англии во времена королевы Виктории, больше ста лет назад. Миссис Крейг писала под псевдонимом Мисс Мьюлок. К моему огорчению, оказалось, что со времен моего детства ничего не изменилось. Эта прекрасная книга, которую прочло не одно поколение английских детей, по-прежнему оставалась без русского перевода. Возможно ли было не кинуться исправлять такую несправедливость? И мы с моей племянницей Ксенией засучили рукава и взялись за дело.

И дело, наконец, сделано. Мы счастливы представить русскому читателю маленького друга моего детства – хромого принца Дола.

Приключения принца Дола, о которых вам предстоит прочесть, увлекательны, но сам Дол интереснее своих приключений. С Долем стоит свести знакомство ради него самого. Сталкиваясь с волшебством, он понимает, что волшебство не всесильно. С помощью волшебства можно узнать, что происходит за тридевять земель, но нельзя стать ни великодушным, ни рассудительным, ни терпеливым, ни добрым. Всему этому Дол учится сам. Ремесло короля – особое ремесло, для него нужно много хороших умений. А Дол сделается неплохим королем, даже раньше, чем повзрослеет.

Как, вы не верите? Кажется, что у Дола нет никаких шансов надеть корону: он болен, он мал, он пленник. Не самое лучшее положение, не правда ли? Но маленький принц найдет из него выход. Впрочем, убедитесь сами!

Елена Чудинова

Глава 1

Честное слово, более красивого принца никогда не рождалось на свет! Конечно, люди так говорили и потому, что он был принцем, но притом ни капельки не кривили душой. Удивительно серьезны для новорожденного были его глазки, которыми он смотрел на пламя свечей. Носик, еще совсем крохотный, обещал сделаться со временем орлиным. Румянец был прелестным, пунцовым, во все щечки. Такой он был пухленький, упитанный! Пряменькие ручки и ножки сулили высокий рост. Сказать по чести, замечательный ребенок! Все им гордились чрезвычайно. Прежде всего, конечно, отец и мать – король с королевой страны Нетландии. Десять лет своего счастливого правления они ждали этого мальчика. И для подданных их правление сделалось еще более счастливым – ведь теперь родился наследник!

Единственным человеком, который счастлив, пожалуй, не был, мы упомянем брата короля: ведь не явись принц на свет, он сам рано или поздно стал бы королем. Но Его Величество король не забыл проявить к брату большую доброту: он ведь понимал его огорчение и сочувствовал. По просьбе королевы он пожаловал ему целое герцогство. Бывший наследный принц постарался, насколько мог, приободриться и тоже принять довольный вид.

Крещение принца должно было стать большим событием. По обычаю, что издавна установился в стране, были избраны двадцать четыре крестных отца и крестных матери. Каждый должен был наречь ему имя на свой вкус, а также дать обещание изо всех сил заботиться о мальчике. А уж по достижении совершеннолетия он должен был выбрать из всех имен то, что больше по душе, а еще решить, какие из его крестных будут с ним до конца дней.

Все в Нетландии праздновали. Люди богатые пожертвовали денег, на радость беднякам. Для работников закатали праздничные пиры во всех ратушах. Для их жен между тем были устроены чаепития на свежем воздухе. Устроили праздник и школьникам – подали плюшки с молоком прямо в классные помещения! Нетландия (к сожалению, ее трудно найти на карте или в учебнике по истории) была, можно предположить, очень похожа и на нашу страну, и на многие другие.

Не особо отличался от других дворцов и королевский дворец. Перед крестинами его так чисто прибрали, что, казалось, выворачивали для этого даже наизнанку. Не натирали и не подметали в единственной тихой комнате – той, где лежала королева. О болезни королевы не объ-

являлось, чтобы не омрачать радости народа. Она и сама никому не говорила о ней. Только лежала тихая и бледная, ни от кого не требуя особых забот. Вот о королеве и забыли. Решительно все ликовали и бегали любоваться малышом.

Наконец настал день крестин – чудесный день, под стать принцу. Чудесными были и новые наряды, в которых люди казались такими красивыми (или, по крайней мере, так о себе понимали). Изысканные эти платья королева позаботилась заранее подарить всем – от фрейлин до бедной маленькой судомойки, что гляделась в зеркало и думала, что никогда не была так хороша.

Нарядились все с самого раннего утра. Нарядили и Его Королевское Высочество в роскошное крестильное платье, что вовсе не пришлось ему по душе. Он кричал и брыкался, как самый обычный простой ребенок. Выждав, чтобы дитя немножко успокоилось, его понесли показать королеве. Королевские ее одеяния были принесены и разложены на постели, но все знали, что ни встать, ни облечься в них она не сможет. Как любовалась она своим ребенком, целовала и благословляла его, как и раньше делала часы напролет, пока мальчик крепко спал. Еще одна нежная улыбка – и королева, выразив надежду, что мальчик будет вести себя хорошо, а крестины удадутся на славу, отвернулась к окну. Больше она не сказала ничего. Она была очень терпелива, эта королева, и не любила жаловаться. Звали ее Долорес.

И все пошло своим чередом и без королевы. Придворные привыкли к частым ее отсутствиям, так как она была слаба и в праздниках не принимала участия уже давно. Королевские свои обязанности Долорес выполняла самым тщательным образом, а вот от развлечений отказывалась. И всем казалось, что все хорошо, но так ли это было? Все приглашенные прибыли. Лучшие люди – из своего королевства и из соседних королевств. Явились, конечно, и все двадцать четыре крестных, выбранных очень придирчиво, таких, от которых Его Высочеству было бы больше всего пользы, понадобится ему когда-нибудь влиятельные друзья. Это, впрочем, не казалось вероятным. Ну как могла возникнуть нужда в покровителях наследнику могущественного правителя Нетландии!

Они шествовали парами в длинный ряд, со своими коронами на головах. Это ведь все были герцоги с герцогинями, принцы да принцессы, не меньше. Целуя ребенка, они произносили данное имя – каждый свое.

Шестеро герольдов во всю мощь выкликнули эти двадцать четыре имени, а потом записали, оставив до тех пор, куда имена не будут востребованы вновь. Скорее всего, до коронации принца, ну а случись беда – так до его похорон.

Церемония завершилась. Все были довольны, кроме самого младенца, что слабо попискивал в душивших его тяжелых одеяниях.

Мало кто заметил в этой толпе, что по пути в часовню с мальчиком случилось досадное происшествие. Его няня, не обычная его няня, а главная няня, девица самого высокого происхождения, чьей обязанностью было нести мальчика в часовню и обратно, начала поправлять свой шлейф, чтобы он стелился по красивее, удерживая при этом ребенка лишь одной рукой, – и уронила на нижнюю ступень мраморной лестницы. Не сомневайтесь, она его тут же подхватила. Это показалось таким пустяком, что и говорить было не о чем. Вот никто и не говорил.

Ребенок смертельно побледнел, но не заплакал. Стоявшие поближе заметили падение, а те, кто был на пару шагов позади, так и не поняли, что случилось. А даже и заплачь принц – серебряные трубы гудели так громко! Право, было бы жаль, чтобы такой праздник оказался омрачен.

Итак, после небольшой заминки процессия двинулась дальше. Что за процессия! Герольды в синем с серебром, пажи в багряном с золотом, стайка девочек в белоснежных платьицах, несущих корзинки цветов, которыми осыпали дорогу перед няней и ребенком. Ну и, наконец, все двадцать четыре крестных отца и матери, гордых до невозможности, таких величественных видом, что вконец бы они затмили своего маленького крестника (всего лишь охапку кружев и муслина, из которой виднелось личико), когда бы над ним не несли большой балдахин белого атласа, украшенный страусовыми перьями.

Солнце освещало их всех сквозь витражи: короля со свитой по одну сторону, а принца со своими сопровождающими – по другую. Казалось, только в волшебной стране можно увидеть такое зрелище!

– Это просто как в краю фей! – сказала девочка постарше другой, вытряхивая последнюю розу из своей корзинки. – Принцу недостает только феи Крестной!

– Право? – прозвучал позади чей-то голосок, чуть скрипучий, но при этом приятный. Среди детей кто-то стоял. Не ребенок, но с ребенка ростом. Раньше никем не замеченный и едва ли приглашенный, вовсе не в парадных крестильных одеждах. Это была маленькая старушка, одетая во все серое: серое платье, серый плащ с капюшоном, впрочем, из очень хорошей ткани. Серый его цвет был переменчив, как хмурые небеса. Серые глаза, седые волосы... Даже по бледному острому личику скользили серебристые тени. Но дряхлость ее не казалась отталкивающей, а улыбка была приятной, по-детски открытой, похожей на улыбку принца, что проступила на его губах, едва старушка подошла поближе.

– Ну-ка поосторожнее! Не урони дитя опять!

Молодая и знатная главная няня вспыхнула и сердито накинулась на старушку:

– Да кто ты такая? Откуда ты знаешь, в смысле, тебе-то какое дело? – Она испугалась, но говорила тоном много более резким, чем пристало юной леди высокого происхождения. – Старуха, изволь говорить не «дитя», а «принц»! И держись подальше: Его Королевское Высочество вот-вот заснет.

– Но сперва я должна его поцеловать. Я его Крестная.

– Это ты-то?! – воскликнула нарядная няня.

– Ты?! – повторили все камергеры и фрейлины.

– Ты?! – эхом отозвались герольды и пажи и тут же затрубили в серебряные трубы, чтобы такого безобразия не было слышно.

Свита принца уже выстроилась, чтобы следовать назад. А король со своей свитой уже были на пути ко дворцу.

Но старушка в сером, стоя на верхней ступеньке мраморной лестницы, препятствовала им.

Она поднялась на цыпочки и, опершись о свой посох, трижды поцеловала маленького принца.

– Это возмутительно! – вскричала главная няня, спеша стереть поцелуи своим кружевным платочком. – Какое оскорбление Его Королевского Высочества! С дороги, старуха, или обо всем узнает король!

– Король обо мне ничего не знает, а жаль, – с безразличным видом сказала старая женщина. Похоже, она полагала, что это большая потеря для короля, а не для нее. – Мой друг во дворце – жена короля.

– У королей не жены, а королевы, – с высокомерным видом изрекла главная няня.

– Королева или жена, а я ее знаю и люблю, и малютку тоже. А ты уронила его на ступени. – Последнюю фразу старушка произнесла таинственным шепотом, который заставил молодую особу задрожать, как ни была она разгневана. – И по этой причине мне придется стать его Крестной, как уж я решила. Я могу ему очень-очень понадобиться.

– Какая-то старушонка будет нужна принцу?! – расхохотались все вокруг.

Но старушка не обратила на их смех ни малейшего внимания. Ее добрый взгляд был устремлен на принца, который, казалось, улыбался ей в ответ, хотя, конечно же, это была лишь обычная беспричинная улыбка младенца.

– Его Величество должен об этом услышать! – хмыкнул камергер.

– Увы, через пару минут Его Величество услышит важные известия, – печально сказала старушка. И снова дотянувшись до маленького принца, она торжественно поцеловала его в лоб. – Зовись именем, о котором никто еще не подумал. Ты будешь принц Дол – в память о матери твоей Долорес.

– Типун тебе на язык! Какая еще память?! – Все так и вздрогнули от этих зловещих слов. Не меньше возмутило всех чудовищное нарушение этикета, допущенное старушкой. Дело в том, что в Нетландии королей и королев никогда не называли по нареченным именам. Со дня коронации имени король как бы лишался – до того дня, покуда его не начертаят на гробнице.

– Старуха! Откуда ты взялась такая невоспитанная? – возмущенно вскричала старшая фрейлина. – Представить себе не могу, как ты об этом узнала! Но уж знаешь, так молчала бы о том, что Ее Всемилющее Величество зовут Долорес!

– Звали Долорес, – с ласковой торжественностью поправила старушка.

Хранитель Золотого Жезла, тот самый, чьей обязанностью было нести золотой жезл во время процессий, от возмущения замахнулся этим самым жезлом на старушку, а остальные кинулись хватать возмутительницу спокойствия. Но вместо серого плаща руки их ухватили пустоту. И тут же раздался глубокий и мощный звук, сотрясающий всю округу.

Это гудел большой дворцовый колокол! Тот самый, что можно было услышать, только если умирал кто-то из королевской семьи. Били в него столько раз, сколько лет было умершему.

Пораженные ужасом, все застыли, внимая этим звукам.

– Раз... два... три... четыре... – считал кто-то вслух среди всеобщего безмолвия. И так до двадцати девяти – а это и был возраст королевы.

Да, в самом деле! Ее Величество скончалась в разгар праздника, рассталась со своим только что обретенным счастьем и со своими давними страданиями, незаметно выскользнула из этого мира. Она сама отослала всех прислужниц полюбоваться крестинами, – по крайней мере, этим они себя утешали потом. Это было действительно похоже на нее. Она лежала и смотрела в окно – на дальние очертания Прекрасногорья, где пролетело ее детство. Так она и умерла, тихо и безропотно.

Когда маленького принца принесли назад, в покои его матери, где стояла его колыбелька, в покоях этих уже некому было его поцеловать. Он не мог знать, что мать больше не поцелует его никогда!

А что касается самозваной его крестной матери, никто так и не понял, куда она делась. Впрочем, о ней тут же и забыли.

Только няня, не главная няня, а обычная, выйдя ночью за снадобьем для ребенка, который все плакал и не мог уснуть, увидела в одной из дверных арок что-то, что приняла бы за тень. Но у теней не бывает глаз – добрых и ласковых глаз, а у той, что присела на порожке, они были. От испуга няня закрыла собственные свои глаза рукой и закричала.

А когда она набралась духа взглянуть вновь, никого уже и не было.

Глава 2

Как это обыкновенно бывает, будь осиротевший ребенок крестьянин или принц, мальчика окружили состраданием и заботой. А еще у него была великолепная детская и собственный двор – множество почтительных и предупредительных приближенных, обращавшихся с ребенком соответственно его высокому положению. Никому не разрешалось ни сюсюкать с ним, ни качать на колене, ни уж тем более целовать. Хотя, можно предположить, некоторые все же целовали мальчика украдкой – так он был мил, что удержаться было трудно.

Нельзя было сказать, что принц скучает по матери – дети его возраста на такое не способны. Но казалось, с тех пор, как она умерла, с ним все идет не так. Был таким красивым малышом, а сделался бледным и вялым. Теперь он и рос плохо, особенно плохо росли ножки, а ведь такими пухленькими и сильными они были раньше!

Со дня крестин эти ножки сильно похудели, словно усохли. Он перестал брыкаться, сердясь или играя, как проделывал раньше. Когда мальчику исполнился год, няня попыталась, как водится, поставить его. Мальчик только упал.

Пал он и в другой раз, и в третий. Об этом заговорили: принц, который не может ходить! Какое несчастье для страны!

О том, что несчастье это не только для страны, но и для бедного ребенка, никто особо не задумался. Спустя некоторое время здоровье мальчика пошло на поправку, снова засверкали ясные глазки. Он вновь стал расти, хотя ноги по-прежнему не двигались. Люди продолжали судачить, покачивая головами и строя многозначительные мины. Слухи все множились: с принцем неладно.

Конечно, его отцу-королю никто об этом не упоминал: не следует говорить великим мира сего неприятные вещи. Да и вообще король стал уделять мало внимания и сыну, и всему, что не было связано с его обязанностями правителя.

Люди не предполагали, что он будет тосковать по королеве – ведь она так долго болела! Однако он тосковал по ней. Король сильно переменялся после смерти жены. Он переселился в ее опустевшие покои, из которых только и можно было видеть Прекрасногорье. Часто замечали, что он смотрит на эти далекие горы с таким выражением, будто думает, что она улетела туда и сила его желания способна воротить ее обратно. Вот ведь странное совпадение, о котором, впрочем, никто не осмелился ничего выяснять: он пожелал, чтобы принца называли не каким-либо из звучных имен, данных двадцатью четырьмя крестными, а тем простым именем, которым дитя нарекла старушка в сером: Долом в честь его матери Долорес.

Раз в неделю, как велел обычай, принца, одетого в лучшие его наряды, приносили на полчаса к его отцу-королю, но Его Величество обычно был слишком погружен в тоску, что переходила потихоньку в болезнь, чтобы обращать много внимания на ребенка.

Но однажды король сидел со своим братом-герцогом (который делался день ото дня все внимательнее к старшему), а принц Дол играл в углу, переползая туда-сюда с помощью скорее рук, чем ног, отца поразила вдруг тревога.

– Сколько лет Его Королевскому Высочеству? – спросил он няню.

– Два года, три месяца и пять дней, если угодно Вашему Величеству.

– Мне это вовсе не угодно, – сказал король мрачно. – Он должен бы быть лучше развит телесно. Не так ли, брат? У тебя так много детей, ты-то должен знать наверное. Не болен ли мальчик?

– О нет, – произнес герцог, бросая многозначительный взгляд няне, которая застыла столбом, донельзя растерянная, со слезами на глазах. – Ничего такого, о чем Вашему Величеству стоило бы всерьез тревожиться. Несомненно, он с этим справится.

– Справится с чем?

– Гм, с некоторой хрупкостью позвоночника, возможно унаследованной от его дорогой матери.

– Увы, она всегда была хрупкой! Но сколько в ней было очарования! Иди сюда, сынок!

И когда принц обратил к отцу свое милое серьезное личико, так похожее на лицо его матери, король улыбнулся и протянул к нему руки.

Но мальчик не пошел к отцу, а пополз. Лицо короля омрачилось.

– Мне должны были донести об этом! Ужасно, ужасно! Бедный принц! Немедля созвать всех лекарей моего королевства!

Явились все целители. Каждый из них высказал свое, отличное от других, мнение, и способ лечения тоже каждый назначил по-своему. Единственное, в чем они все согласились, было ясно и без них: принц, вероятно, ушибся совсем маленьким и повредил позвоночник.

Неужели никто не помнил, как было дело? Увы, нет. Няньки, все как одна, возмущенно отрицали, что такое вообще могло случиться. Но тут няня, та, простая няня из деревни, сказала, что ребенок упал во время крестин. Некстати оказалась столь хорошая память! Все остальные бранили женщину столь нещадно, что не было ей покоя. А вскоре главная няня, что несла ребенка в тот роковой день (а ведь она была троюродной племянницей герцога) рассталась, чтобы несчастную отослала от двора. И пришлось ей уехать в родные горы, чтобы не покидала их до конца дней, – так было приказано.

Но король обо всем об этом не знал. После того как прошло первое потрясение, когда он понял, что сын не может ходить, он вновь погрузился в свою мрачную отрешенность. Слишком тяжело, слишком грустно! Между тем Его Величество не привык к тяготам.

Он посылал осведомляться о сыне. Ему отвечали всякий раз, что принц благополучен в той мере, в какой этого можно ожидать. Это было правдой. Ребенка долго мучили, пробуя лечить то так, то эдак, сообразно противоречивым советам врачей. Не желая обидеть кого-либо из этих ученых мужей предпочтением, герцог в конце концов предложил предоставить все природе. А природа, самая мудрая целительница, действительно сделала все, что могла.

Да, ходить он не мог, ноги его оставались бесполезными! Но тело мальчика потихоньку обретало крепость и силу. Лицо его с каждым днем все больше напоминало лицо его матери – доброе, ласковое, красивое лицо. Иной раз король, обращая на это внимание, бросал на сына исполненный нежности взгляд, и тут уж, кстати, замечал, как ловко мальчик научился двигаться с помощью рук, – он казался таким же шустрым, как другие дети его возраста.

– Бедняга! Он делает все, что может. Нет, его нельзя назвать несчастным. Знаешь, брат, он и вполнину не так несчастлив, как я! – обратился король к герцогу, который теперь проявлял к нему еще большую заботу, чем прежде. – Если со мной что-нибудь случится, ты станешь регентом. Если я умру, ты ведь позаботишься о моем бедном мальшке?

– Конечно, конечно! Но прошу Вас, не будем даже думать о подобном несчастье! Заверяю Ваше Величество, все мы заверяем Вас: нет оснований даже помыслить о чем-либо подобном!

На самом деле он знал, и все знали, что основания для таких мрачных мыслей имелись. И вскоре беда действительно пришла. Король умер точно так же, как его королева. В ее покоях, на ее кровати.

Принц Дол остался и без матери, и без отца. Ничего хуже не может случиться даже с принцем!

Однако принцем он больше не был. Он стал королем. В Нетландии, как случается и в других странах, люди погоревали и утешились.

Клич «Король умер, да здравствует король!» гремел по всему королевству. Не успел усопший король лечь рядом со своей супругой в каменную гробницу, а толпы народа уже текли отовсюду в столицу, желая лицезреть нового.

И он предстал перед народом, об этом регент позаботился. Мальчик сидел на полу в тронном зале – с пальцем во рту. А когда один из приближенных поднял его и понес – вообра-

зите, понес короля! – к трону и возложил на его голову корону, ребенок стряхнул ее: она была такая тяжелая и неудобная! Соскользнув к подножию трона, мальчик начал играть с золотыми львами, что поддерживали этот самый трон. Он гладил львов по гривам, тыкал им пальчиками в глаза и смеялся – вот это ему впрямь было интересно!

– Славный король для вас! – сказал один из придворных, друг регента, прежнего герцога. А тот, в глубочайшем трауре, молча стоял у трона своего маленького племянника. Он был, надо сказать, статным мужчиной самой благородной наружности и имел глубокомысленный вид.

– Король что надо! – продолжал придворный. – Никогда не выйдет к своим подданным, никогда не пройдет в процессии! Король, которого до конца дней будут носить, как малое дитя! Вот ведь несчастье!

– Страшное несчастье! – подхватил второй придворный. – Для народа всегда неладно, если король – дитя, но дитя, которое, быть может, никогда и не повзрослеет толком...

– Понадеемся на лучшее! – сказал первый безнадежным тоном. Тут он взглянул на регента, который стоял, показывая свою великолепную осанку, и притворялся, что ничего не слышит. – Я вот слышал, что такие дети... Большая голова, высокий лоб... Широко посаженные глаза... Что же, понадеемся на лучшее, но приготовимся к худшему. А сейчас...

– Клянусь! – сказал герцог, выходя вперед и целуя рукоять меча. – Клянусь честно выполнять мои обязанности регента, заботиться со всем тщанием о Его Королевском Высочестве, я имею в виду – Величестве.

Он отвесил глубокий поклон ребенку, который невинно засмеялся в ответ.

– Я сделаю все, что в моих скромных силах, чтобы править страной. Но если страна не хочет этого...

Герцог был еще и главнокомандующим, который мог в любую минуту развязать гражданскую войну. Как ни странно, ни малейших возражений ни у кого не нашлось.

Итак, король и королева покоились вместе в мире, а принц Дол правил страной. То есть правил его дядя. И все говорили: какое счастье для маленького убогого принца иметь такого дядю, который так заботится о нем!

Все шло как обычно. И даже, пожалуй, лучше обычного – после того как регент поселил во дворце свою семью – жену и семерых сыновей. Пошли пышные празднества. Столица повеселела, торговля оживила. Говаривали, что страна уж лет сто так не процветала. Где б ни появлялся регент с сыновьями, их встречали дружные крики «Да здравствует правитель! Да здравствует королевская семья!». Дети и впрямь глядели красавчиками. Великолепное зрелище они являли собой, когда на превосходных лошадках выезжали вереницей по старшинству – и замыкал эту вереницу самый маленький на своем черном пони не больше собаки!

Что касается другого ребенка, Его Высочества принца Дола (которого как-то само собою перестали называть Величеством и королем, очень уж это не шло к безногую бедняжке), то его видели не часто. Иной раз кто-нибудь осмеливался заглянуть в скрытый за высокой стеной дворцовый сад. Там можно было заметить яснолицего мальчика – то на руках у слуги, то катаемого в креслице на колесах. Иной раз он просто безо всякого присмотра играл в траве. В его чертах читался живой ум, а глаза были печальны. Впрочем, не совсем! Ведь это были глаза его матери, а она печалиться не любила. Задумчивыми и мечтательными – вот какими они были. Смущали людей эти детские глаза: такие невинные, но вместе с тем такие пронизательные! Их молчаливое удивление, казалось, пронизало любую ложь. Глаза словно говорили за ребенка – сам он был молчалив. И некоторые, чья совесть не была особо чиста, побаивались мальчика, хотя сам он, конечно, не подозревал, что заставляет злобных устыдиться и притихнуть ворчунов.

Бедный малютка! Он жил своей счастливой младенческой жизнью, не понимая своей беды и, кто знает, быть может, грядущих бед. Это не могло не трогать сердца.

Его начинали любить, невзирая ни на что. И дяде-регенту это стало не слишком нравиться. Нет, не скажем ничего плохого о дядюшках в целом! Обычно они очень любят своих маленьких племянников и радеют об их пользе. Злой дядя из «Младенцев в лесу»¹, я думаю, был исключением из правила. Понадеемся, что и дядя, о котором рассказываю я сейчас, также исключение.

Назови кто нашего регента жестоким – он бы искренне обиделся! Он бы сказал, что руководствуется в своих поступках единственно пользой страны. Но на самом деле собственные желания его всегда совпадали с представлениями о государственной пользе. И он добивался своего, как обыкновенно поступают подобные ему люди. Наслаждаются ли они затем полученным, вопрос уже другой.

И вот однажды он явился в Зал совета и сообщил, что здоровье юного короля ухудшается. Неплохо отправить мальчика в Прекрасногорье. Сразу ли ему вспала в голову недобрая мысль, как осуществить его заветное желание – завладеть короной Нетландии, трудно сказать.

Заручившись согласием совета отослать короля, дядя отправил его с большой пышностью – в сопровождении почетного эскорта из двух полков. Народ без особого удивления, впрочем, узнал вскоре, что бедный маленький принц (которого уже никто не звал королем) отправился в более далекое путешествие, чем в Прекрасногорье. В пути он заболел и скоропостижно умер, – по крайней мере, так свидетельствовали приставленные к нему лекарь и няня. Домой (и опять-таки с большой пышностью) привезли маленький гроб, который и похоронили в одном склепе с родителями.

---

¹ «Младенцы в лесу» – старинная английская баллада, предположительно XVI века. Чтобы сделаться наследником собственных племянника и племянницы, дядя завел сироток в лес, где они и погибли. Дело было в Норфолке. (Примеч. переводчиков).

Больше никто не видел принца Дола. Страна относилась глубокий траур и забыла его, а вместо мальчика на трон взошел его дядя. Блистательная эта особа приняла корону с подобающим приличием и носила с большим достоинством. Сделался ли он от этого счастливым? Кто знает.

Глава 3

И что, все до единого в Нетландии забыли своего маленького принца?

Не все. Несколько добрых матерей семейств всплакнули о нем, да еще слуги во дворце долго вспоминали, какой он был ласковый и милый. Много раз они, вздыхая, говорили: «Бедный принц Дол!» Или глядели на очертания Прекрасногорья, видные изо всех уголков Нетландии (хоть и мало кто там бывал), и восклицали печально: «Бедный принц Дол! Быть может, Его Королевскому Высочеству лучше сейчас там, где он есть, чем здесь!»

Не знали они, что там, за горами, ближе к морю, лежала унылая пустошь, поросшая чахлой травой, где даже полевые цветы были редки. Ни куста, ни деревца, ни места для гнезда птицы и логова зверя не было на этой бесплодной равнине. Летом ее безжалостно выжигало солнце, а зимою над ней носились ветра и дожди и снег ложился цельной белой пеленою, на которую редко ступала нога человека.

Никто не жил в этом не слишком приятном месте. Единственным свидетельством, что человеческие существа побывали там, являлась большая круглая башня, видная отовсюду, если, конечно, было кому смотреть. Башня, казалось, выросла из земли сама по себе, как какой-нибудь гриб. Кто разберет, с какой целью ее когда-то построили! Прочно сложенная из кирпича, она не имела ни дверей, ни окон, разве что под самой крышей можно было заметить какие-то щели. Почти сто футов была она высотой, а зубцы ее смотровой площадки со злобщей четкостью прорисовывались на фоне неба.

Почти пустыня, разве что не песчаная! И вела она к безлюдному побережью. Кому нужно было ее пересекать? Небо и равнина оставались единственными свидетелями тайны этой башни.

А тайна была очень большая, государственная тайна! Принадлежать она могла лишь такому умному человеку, как нынешний король Нетландии! Как он сумел все это осуществить? Быть может, ему помогли осужденные преступники, которых затем сразу же казнили. Никто не знал, никто не подозревал правды.

А в чем заключалась правда? В том, что это заброшенное и необитаемое на вид сооружение обитателей на самом деле имело. Под крышею был устроен настоящий маленький домик из четырех комнат. Начерти крест в круге, и расположение их сразу станет понятно. Щели расширили, чтобы превратить в окна.

Подходящее местечко для житья! Если, конечно, жильцу нет нужды, однажды поднявшись, спускаться вниз. Внутри (куда только птицы могли заглянуть) все было обставлено удобно и изысканно. Книжки, игрушки – все там было, чего могло пожелать детское сердце. Ведь обитателями башни были ребенок и его няня.

Однажды зимней ночью, когда вся равнина сверкала белизной в лунном свете, по ней проскакала большая черная лошадь. Всадник на ней тоже был черен и огромен. В седле перед ним были женщина и дитя. Лицо женщины было искажено мукой и отчаяньем. Она была приговорена к смерти, но наказание ее было заменено на иное, пожалуй, не менее суровое. Она должна была поселиться в одной башне с ребенком. Жизни между тем ей было отпущено до тех пор, пока и ребенок жив. Так было решено для того, чтобы она получше заботилась о мальчике. Тот, кто поместил его туда, в равной мере боялся и его смерти, и его жизни.

Уставший от путешествия, он сонно улыбался, крепко уцепившись ручонками за шею мужчины. Черное лицо смягчилось, склоняясь над малюткой. Он казался так беспомощен! Никуда не мог бы он убежать на своих ножках. Это был принц Дол, и никто иной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.